

Марина
СЕРОВА

Душа
ТЕМНЕЕ НОЧИ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Душа темнее ночи
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9524185

*Серова, Марина Сергеевна. Душа темнее ночи : [роман] : Эксмо; Москва;
2015*

ISBN 978-5-699-79621-2

Аннотация

Очень неприятно очнуться абсолютно раздетой, с побритой наголо головой, на огромной свалке неподалеку от вокзала. Вдвойне неприятно при этом не помнить своего имени и обстоятельств, приведших к столь плачевной ситуации! Но недаром телохранитель Евгения Охотникова считалась лучшим специалистом в своей области: она смогла в нужный момент спасти от верной гибели крупного бизнесмена Увекова по кличке Кипчак. Он сразу же предложил девушке место личного телохранителя. Оказавшись в знакомой среде, Женя стала постепенно вспоминать, кто же она такая, а последним толчком к возвращению памяти стала попытка ревливой любовницы

Кипчака отравить ее. Теперь перед Евгенией стоит одна задача: найти и наказать того, кто хотел отобрать ее личность!..

Содержание

Марина Серова	6
Глава 1	6
Глава 2	41
Глава 3	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Марина Серова

Душа темнее ночи

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Марина Серова

Душа темнее ночи

Глава 1

Темнота была сплошной, кромешной. Не какой-нибудь там сумрак – нет, первосортная, качественная темнота. Ни солнца, ни луны. Ни холодного сияния звезд, ни света городских фонарей. Не было даже тех вспышек, что возникают сами собой на сетчатке глаза.

Я открыла глаза. Светлее не стало.

Я немного полежала. Поняла, что на зрение рассчитывать не приходится. На помощь пришли другие чувства. Осязание подсказало мне, что я лежу на колкой траве, причем одежды на мне не наблюдается. И еще – что ночь довольно холодная. Обоняние услужливо сигнализировало, что где-то неподалеку – помойка, но не какие-то там интеллигентные мусорные баки. Нет, это была роскошная свалка, такие создаются годами. Ни с чем не сравнимый ароматдохлой кошки перебивал запах испортившейся на жаре рыбы. Кажется, рыбы было много. Слух донес до меня далекий перестук колес и грохот сцепляющихся вагонов. Высокий, гнусавый, неразборчивый голос диспетчера – из тех, что с ледяной веж-

ливостью сообщают, что «поезд Магадан – Сочи, стоянка три минуты, только что прибыл на... путь», – дополнил картину. Ну а интуиция довершила ее.

Так, все ясно. Я лежу на земле, абсолютно голая, где-то в районе железной дороги.

Оставалось выяснить, кто же такая я.

И вот с этим возникли проблемы. Я попыталась сесть. Голова зверски кружилась, но я очень упорная. И с третьей попытки мне удалось привести свое непослушное тело в сидячее положение и даже как-то в этом положении задержать-ся. Я ощупала голову. Так, никаких ран и повреждений нет. Только под пальцами абсолютно лысый, гладкий череп. Тут что-то не так. Кажется, на этом месте должны быть шелковистые волосы...

Кто я такая? И что я делаю в этом не самом приятном на земле месте? И спросить-то не у кого... С одной стороны, я явно не сумасшедшая. Вряд ли я сбежала из близлежащей психушки. И не испытываю ни малейшего желания, к примеру, пожевать травы или наброситься на кого-нибудь. Делаем вывод – я абсолютно нормальна. Единственный минус – ничего не помню.

Я знала, что такое «свалка» или «железная дорога». Но не имею ни малейшего представления о себе самой. Как только я начала задумываться над этим, у меня сразу же возникло чувство, будто я падаю в черный колодец без дна. Причем это сопровождалось неприятными ощущениями чисто

физиологического порядка – тошнотой, ознобом, дрожью. Я решила оставить выяснение этого вопроса на потом. А пока сосредоточиться на «здесь и сейчас».

Зрение медленно возвращалось ко мне. Вот я уже стала различать тусклый свет далеких фонарей. Именно оттуда слышался металлический грохот и лязг. Значит, там люди. Решено, туда я и отправлюсь.

Я осторожно встала. Дрожащие от слабости ноги можно было передвигать либо руками, либо усилием воли. Первый способ показался мне крайне неудобным, поэтому я прибегла ко второму. Шаг, еще один... Постепенно дело пошло быстрее. Да и в голове у меня слегка прояснилось.

Свежий воздух и движение немного привели меня в чувство, но с памятью дело обстояло все так же плохо. Впереди показались какие-то ангары – жуткого вида металлические сооружения, слабо освещенные фонарями. Там сустились люди – десятка два низкорослых фигур таскали на спинах какие-то коробки и мешки.

Я уже хотела выйти к ним на освещенный пяточок, но внезапно замерла на границе темноты и света. Пусть я не знаю, кто я и откуда, но, по-моему, голой ходить неправильно. Значит, нужно сначала раздобыть что-то, чем можно прикрыть свое тело, а уже потом выходить к людям.

Я развернулась и заковыляла обратно в темноту. Свалка меня не разочаровала – не так уж долго пришлось рыться среди отбросов, прежде чем я нашла разорванную мужскую

футболку и почти целые джинсы. С некоторым трудом я оделась. Кажется, не вполне помню, как это делается... Но результат получился неплох. Джинсы норовили сползти с зада, поэтому я подвязала их веревкой, найденной тут же. Вся одежда была какой-то заскорузлой и пахла знакомо – отвратительный резкий запах, но не помню, что он означает. Но ведь другой у меня нет, так что и капризничать не приходится.

Я двинулась в обратный путь. Это заняло у меня гораздо меньше времени, чем первый поход. Кажется, я овладела искусством хождения на двух ногах...

– Володька, ты? – Кто-то тронул меня за плечо. Я подавила инстинктивное желание сломать руку тому, кто осмелился ко мне прикоснуться, и медленно развернулась. Передо мной стоял грязненький мужичок в сетчатой, когда-то белой майке и с заметным пузом, которое покоилось в сетке, точно арбуз.

– Ой, а я думал – ты Володька! – глупо сказал мужик.

Я всесторонне обдумала, могу ли я быть Володькой, и отрицательно помотала головой.

– Ты новенькая, что ли? – Мужичок взгляделся в меня, насколько это позволял тусклый свет. – Что-то я тебя здесь раньше не видел.

Я кивнула, подтверждая, что да, я новенькая. Ну ведь не старенькая же?

– А ты ничего, *симпотная* такая! – сообщил мне сетча-

тый.

Не совсем понимая, что он имеет в виду, я на всякий случай растянула губы в улыбке.

– Какие у тебя зубки белые... – с непонятной интонацией произнес мужик. И совершенно неожиданно – кажется, и для себя тоже – добавил: – Минет сделаешь? Сто рублей дам!

Я задумалась. Что такое «минет», я совершенно не представляла. Ясно было одно – речь шла о деньгах, а в моем положении отказываться от заработка было неслыханной роскошью, которую я не могла себе позволить. Поэтому я кивнула и на всякий случай еще раз улыбнулась.

– Вот и ладушки! – обрадовался мужик и махнул рукой, призывая меня следовать за ним. Сетчатый бодро потрусил куда-то в темноту, прочь от освещенного пространства. Я оглянулась – позади были свет и люди, а впереди только крошечный мрак, но все же последовала за сетчатым.

Мой неожиданный знакомый привел меня в какой-то ангар. Вытащил железный прут, продетый поперек двери, и отодвинул металлический лист в сторону. В ангаре было темно, еще темнее, чем на улице. Там до потолка громоздились гигантские деревянные ящики и пахло машинным маслом. Мои глаза с трудом привыкали к темноте. Мужик развернул меня лицом к себе и, нажимая на плечи, поставил на колени.

– Вот тут в самый раз будет! – сообщил он мне.

Когда он расстегнул неприятно пахнущие штаны, и его теплая мягкая плоть ткнулась мне в лицо, я вскочила. Со-

вершенно явственно я представила все, что могу сейчас проделать с этим человеком. Первым ударом в пах я выведу его из строя, подавлю всякую мысль о сопротивлении, а заодно и искалечу на всю жизнь. Но поскольку она будет недолгой, его жизнь, это совершенно не важно. Следующим ударом я перебью ему горло и буду смотреть, как он умирает. А потом заберу деньги и просто уйду.

Видимо, сетчатый что-то почувствовал, потому что он вдруг отступил на пару шагов. Я смотрела на его попытки к бегству с искренним интересом: даже если он пустится бежать со всех ног, мне хватит нескольких прыжков, чтобы догнать его и парой точечных ударов привести в беспомощное состояние.

– Девонька... ты это... не надо, а? – тоскливо попросил мужик, впрочем, без особой надежды. Я наклонила голову к правому, потом к левому плечу, разглядывая свою потенциальную жертву. Мужик принялся поспешно вытряхивать из карманов мятые бумажки – очевидно, это и были те самые *деньги*.

– Вот... бери... все бери... только не убивай! – задыхаясь, шептал мужик, и белки его выпученных глаз явственно выделялись в темноте. – Ну, все. Больше нет! – сообщил мне наконец сетчатый и робко спросил: – Так я пойду, э?

Я кивнула. Спустя несколько секунд я осталась в ангаре одна. Медленно собрала с пола деньги и не глядя сунула в карман джинсов. Выйдя на улицу, я с наслаждением вдохну-

ла свежий ночной воздух, пахнувший осенью и яблоками, потом задвинула железную дверь ангара и продела прут в «ушки». После чего отправилась к людям.

Люди были заняты разгрузкой товарного вагона. Минут десять я стояла, наблюдая за тем, как они это делают, и пришла к выводу, что работают люди крайне неэффективно. Во-первых, все они без исключения были малорослыми либо слабосильными. Ну, или и то, и другое сразу. Во-вторых, с координацией у них тоже было плоховато: большинство явно покачивалось при ходьбе, они часто роняли грузы, а один так вообще поставил ящик на ногу товарищу, отчего тот разразился визгливой бранью.

Язык, на котором разговаривали эти люди, сначала показался мне незнакомым. И только немного погодя я начала разбирать в их речи знакомые слова.

– Колька, *абанамат*, ты куда поставил? Тварь слепошарая, разуй глазенапы-то!

– Так, Петрович, он сам, *вилять*, подвернулся! – сипло оправдывался Колька. – Я не виноватый!

– Работайте, уроды, шустрее! – надрывался Петрович. – Не пойму, какого *фера* я с вами, дистрофанами, связался! Шмары и те быстрее вас вагон бы разгрузили! А все потому, что добрый я, *вилять*! Хочу вам дать подзаработать, бухарикам! Нет, в следующий раз найму нормальных грузил! Нет сил моих с вами так мудохаться!

– Нормальным грузилам нормальные бабки давать надо, –

тихо, себе под нос прокряхтел Коляка, — а ты, упырь, с Кипчака за разгрузку сколько положено взял, нам на опохмел крохи подкинул, а разницу себе в карман положил...

— Тихо ты, революционер *феров*! — так же тихо посоветовал ему придавленный ящиком товарищ. — Услышит — найдут тебя за складами...

Когда я вступила на освещенный пятачок, никто не прервал работы, только Петрович взгляделся в меня и сипло крикнул:

— Володька? Где тебя носит, *вилять*? Становись быстрее!

Я подошла вслед за остальными туда, где из раскрытой двери товарного вагона грузчики подавали какие-то мешки и ящики, и послушно подставила плечо. Раз все вокруг так делают, значит, и мне надо поступать так же, как остальные. Видимо, такое поведение считается нормальным...

Мне достался мешок. Под грузом я сперва слегка присела, но потом сообразила: если сместить центр тяжести, то основной вес будет приходиться не на руки, а равномерно распределится на мышцы ног, спины и плечевого пояса. Я перехватила груз половчее и побрела вслед за остальными туда, где нужно было сбросить мешок на гигантские весы, откуда его забирали два молодых парня и кидали через борт «КамАЗа». Тот, кто тащился передо мной, двигался медленно, как во сне, едва переставляя ноги, поэтому я обогнала его, а потом следующего. В общем, свой груз на весы я скинула одной из первых и тут же двинулась назад за следующим.

Я обнаружила, что работа мне вполне по силам, особенно если действовать с умом. К примеру, чем быстрее движешься, тем меньше устаешь, а объем выполненной работы увеличивается. Поэтому я делала примерно пять ходок с грузом за то время, что мои товарищи по работе тратили на одну.

Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я подставила плечо под первый мешок. Я ни о чем не думала – просто старалась выполнить эту простую работу как можно лучше. Мне даже начинал нравиться мерный ритм и ноющая боль в натруженных мышцах. Почему-то она отвлекала от тошнотворного кружения в голове.

– О, молодец! – похвалил меня Петрович, когда я в очередной раз прошла мимо него. – Вот, козлы, смотрите, как надо работать! А вы как мухи дохлые, *вилять*, ползаете! Берите все пример с Володьки!

После этих слов повисла зловещая тишина. Все работники замерли на месте – так, как застигли их слова начальника. Все лица повернулись в мою сторону – так магнит притягивает металлические опилки.

– Эй, вы чего?! – удивился Петрович.

Тот, которого звали Колькой, скинул на землю груз и медленно, с опаской приблизился ко мне.

– Не-е-ет, Петрович! – протянул он со странной интонацией. – Не Володька это.

– А кто тогда? – спросил Петрович.

Все, кто работал на разгрузке, подошли поближе и обсту-

пили нас кольцом.

– Володька больше не придет. *Не может* он прийти, – со злорадным торжеством ответил Колька.

– Да *фер* с ним! Мне-то что – Володька, не Володька! – вскипел начальник. – Лишь бы работали, гады...

– Убили Володьку-то! – с удовольствием сообщил Колька. – Вчера ночью и убили.

Толпа слегка подалась назад.

– А это тогда кто?! – Голос Петровича неожиданно дрогнул. Начальник соскочил со своего возвышения, откуда командовал погрузкой, приблизился ко мне – впрочем, не совсем уж вплотную, включил ручной фонарик и посветил мне прямо в лицо. Я заслонила руку от света – очень уж больно стало глазам.

– Да не Володька это! – с облегчением сообщил Петрович всем присутствующим. – Парнишка какой-то, молодой совсем. Бритый, как призывник. Может, из армии сдернул? Эй, тебя как звать-то?

Я задумалась, потом покачала головой. Ответа на этот сложный вопрос я точно пока не знала.

– Ишь башкой мотает. Припадочный, что ли? – хмыкнул Петрович. – С вашей публикой такого, *вилять*, нагладишься...

– Петрович, на нем Володькина одежда, глянь! – вдруг с испугом проговорил Колька.

– Ну и что?

– Так это... Володьку вчера ночью забили, гвоздями коленки прострелили... Кровищи было! Ты посвети на него, посвети!

Петрович навел луч фонаря на меня. В ярком свете стало видно, что джинсы и футболка покрыты слоем засохшей крови. Так вот что это был за запах! Над коленями в каждой штанине виднелось круглое отверстие, обведенное кольцом запекшейся крови.

– Так чего, это он, что ли, Володьку кончил? – деловито спросил Петрович, с интересом глядя на меня.

– Да не-е! – отмахнулся Колька. – Володьку труповозка забрала, а одежду его мы того... сняли. Хотели поделить, а потом решили – не по-людски это. Да и не отстираешь ни *федера*... Короче, выкинули мы Володькино барахлишко. А этот, видно, нашел.

Какое-то время все пристально разглядывали меня, словно решая, как теперь со мной поступить. Наконец Колька жалостливо проговорил, обращаясь ко мне:

– Слышь... не надо тебе в Володькиных шмотках ходить. Ты это... на-ка вот.

И Колька протянул мне пакет, в котором я обнаружила какие-то вещи.

– Эти... гуманитарные сегодня на площади раздавали, ну, я и взял, – пояснил добрый Колька. – А потом смотрю – мало мне. Хотел загнать кому, да уж ладно... Ты не стой, ты надевай!

Я послушно отошла за угол, туда, куда не доставал свет фонарей, и переоделась. Вещи в пакете пахли химчисткой – очевидно, секонд-хенд. Теперь я была счастливой обладательницей невероятно растянутой, но чистой майки и тренировочных штанов. Еще в пакете обнаружили резиновые шлепанцы, их я тоже надела. Вещи покойного Володьки аккуратно сложила в пакет, после чего вышла на свет.

– *Виляя-а-ать!* Да это ж баба! – присвистнул Петрович.

– Как – баба?! – не поверил Колька.

– Да ты глянь, глянь! И не старая совсем, – продолжал изумляться бригадир. – Во, учитесь, как работать надо! Баба – а пашет, как не всякий мужик сможет! Как она мешки-то тягала...

– Ну, ты это... если что, извини, – застеснялся Колька. – Я ж не знал...

– Как тебя звать-то, девонька? – громко, точно общался с глухой, спросил Петрович.

Я молчала.

– Ладно, у нас тут это дело обычное, – смилостивился бригадир. – Ну, будет тебе кликуха Мужик, раз такие дела... Все, расходитесь! Цирк уехал, *вилять*...

Мои товарищи по ночной работе начали разбредаться. Каждый подходил к Петровичу и протягивал руку. Получив что-то, отваливал восвояси со счастливым лицом. Наконец площадка опустела. Двое молодых парней забрались в «КамАЗ» и уехали. Только я осталась стоять посреди площадки,

не зная, что делать дальше.

— Чего стоишь, как неродная? За получкой подходи! — позвал меня Петрович. Я подошла и сделала как все — протянула руку. Петрович вложил мне в ладонь смятую бумажку и задержал мою руку. — Слышь, девонька, — обратился ко мне начальник, — ты молодая еще. Чего ж ты себя до такого довела? Одежду с покойника надела, вагоны грузишь... Идем со мной, я тебя получше устрою.

Петрович произнес это, косясь по сторонам и поминутно облизывая губы, как будто во рту у него пересохло. Я выдержала руку.

— Пожалее-е-ешь! Да поздно будет! — с угрозой сказал бригадир. Но я уже растворилась в темноте.

— Ладно, приходи завтра, если работа нужна! — поспешно крикнул Петрович мне вслед. — К ночи состав придет с Волгограда, арбузы кидать будем. Мне трезвые всегда нужны...

В темноте я с некоторым трудом нашла дорогу к тому ангару, куда меня приводил сетчатый. Я вытащила железный прут из креплений, приоткрыла дверь и шмыгнула в образовавшуюся щель. Потом старательно прикрыла ее за собой. Подумала — и всунула прут в точно такие же ушки, только на внутренней стороне двери. Затем пошарила на полу, нашла грудку ветоши и с наслаждением растянулась на мягком.

Остаток ночи прошел спокойно, только под утро кто-то принялся дергать дверь. Но мой импровизированный засов держал крепко, и человек ушел, вполголоса ругаясь. Мне

снились черные колодцы без дна и пожилая женщина с добрым и милым лицом. Женщина казалась мне смутно знакомой. Она плакала и повторяла: «Я же просила тебя быть осторожной!» Понятия не имею, что все это значило...

Меня разбудил солнечный свет – жаркие полосы расчертили ангар, точно тигриную спину. Груда ветоши, служившая мне постелью, нагрелась и источала сильный запах мазута. Я чихнула и окончательно проснулась.

Есть хотелось страшно. Я порылась в карманах и вытащила деньги – несколько потрепанных купюр. Интересно, это сколько? Надеюсь, хватит, чтобы раздобыть себе какой-нибудь немудреной еды. Я рассовала деньги по карманам, нащарила босыми ногами резиновые шлепанцы. Сумка с барахлом покойного Володьки стояла здесь же. Я решила оставить ее в ангаре. Так, больше тянуть не имеет смысла. Пора выходить на белый свет... Мои пальцы сами собой потянулись поправить волосы, но встретили только миллиметровый «ежик». Как же меня все-таки зовут? Ну, не Мужик, это точно...

Я выбралась из ангара и двинулась туда, откуда доносился шум машин и людские голоса. Минут через десять я вышла на привокзальную площадь, заполненную спешащим, навьюченным багажом народом, голубями, а также разнообразным транспортом – от автобусов-«гармошек» до деловито-пронырливых «Газелей». Тут я немного растерялась. Но вскоре заметила неподалеку металлический ящик под большим

зонтиком. Возле ящика сидела тетка в белом халате и считала деньги. Вот к тетке подошел пацаненок лет восьми, протянул горстку мелочи, а взамен получил вафельный рожок с ядовито-зеленым содержимым. Похоже, мороженое. Ну вот, ничего трудного и нет. Если ребенок справился, то я и подавно смогу...

Я подошла к ящику и остановилась, изучая ассортимент под стеклом.

– Слышь, не стой здесь, а то Григоряна позову, – непонятно, но с угрозой произнесла тетка. – Я милостыню не подаю и ваших вообще не терплю. Все пьете, сволочи, дрыхнете до обеда. А ты стой тут на жаре за копейки...

Я почти ничего не поняла, но решила не обращать внимания. Протянула тетке сиреневую купюру и ткнула пальцем в ядовито-зеленую трубочку, как у мальчишки.

– А, так ты покупать! – обрадовалась тетка. – Так бы сразу и сказала. Бери, вкусное.

Я схватила трубочку и, на ходу сдирая обертку, двинулась прочь.

– погоди, а сдача?! – заорала мне вслед тетка. Пришлось вернуться и принять горсть мелочи и четыре желтенькие бумажки. Тетка посмотрела на меня, подумала, и одну из бумажек сунула себе в карман.

Мороженое оказалось вкусным, но это явно было не то. Путем проб и ошибок я разыскала на площади павильон с пирожками и киоск, торгующий разноцветным лимонадом.

Потом подумала – и купила бутылку самой дешевой водки в супермаркете. С добычей я вернулась в свое убежище, поела, а потом заснула. Проспав до самого вечера, я почувствовала, как возвращаются силы. Когда темнота опустилась на город, я отправилась на работу. Если я хочу иметь пирожки еще и завтра, мне необходим источник постоянного дохода...

Петрович не обманул – сегодня действительно разгружали арбузы. Алкоголики и бомжи неуклюже таскали полосатые гигантские шары, и уже несколько багровых клякс на асфальте указывали на то, что без жертв не обошлось.

– Да тише, вы, уроды! – едва не плакал бригадир. – Арбуз – он деликатность любит, а вы мудозвоны, сплошь косорукие! О, Мужик! – обрадовался при виде меня Петрович. – Становись номером первым!

Когда Петрович отвернулся, ко мне вплотную придвинулся вчерашний Колька и еще с десятков корявых личностей.

– Слышь, вали отсюда, а? – угрожающе, но тихо посоветовал мне самый крупный экземпляр породы. – Нам тут чужих не надо, самим работы едва хватает. А то знаешь, чего бывает? Споткнешься и шею сломаешь ненароком...

Я молча высунула из кармана горлышко бутылки. Одно движение – и стеклянная булькающая валюта перешла в собственность к здоровяку.

– О, это дело другое! Порядок! – с удовольствием произнес бугай. – Работаем!

– Миш, ты чего? – обиженно спросил Колька. – Мы ж до-

говорились – гнать ее отсюда. Нам тута стахановцев не надо...

Миша положил ему на плечо ручищу, отчего Колька слегка присел, и прогудел:

– Мужик – правильная баба! Кто тронет, будет иметь дело со мной, ясно?

Мы выстроились в цепочку и принялись кидать арбузы. Работа была не тяжелая, скорее, даже приятная. Тяжелые прохладные шары с приятным шлепком падали в ладони. От свежего воздуха и движения в голове у меня прояснилось. И пусть я по-прежнему не знаю, кто я такая, одно могу сказать точно – со спортом я явно дружу. Примерно через час из цепочки по одному начали выпадать люди. Вот Колька, по-стариковски кряхтя и потирая поясницу, отошел и улегся на траву в сторонке, вот еще трое малорослых работничков присоединились к нему. К концу третьего часа нас осталось всего человек десять. Но зато и работали эти десять как все остальные, вместе взятые. Петрович не мог нарадоваться на нас, ходил и покрикивал:

– Давай, ребятки, навались! Еще немного осталось!

Наконец мы закончили работу. Так же как и вчера, все потянулись к бригадиру за получкой. Тем, кто работал до самого конца, Петрович заплатил втрое больше, чем остальным, и пресек хныканье тех, кто попытался что-то возразить. А в конце вообще сказал:

– Так, чтобы я вашу инвалидную команду больше здесь

не видел! Завтра на работу выходят вот эти десять. Мужик будет над ними старшая.

Амбал Миша по-свойски хлопнул меня по плечу:

– О, поздравляю! Глянь, ты уже карьеру сделала.

– Спасибо. – Это было первое слово, что я произнесла с тех пор, как пришла в сознание почти сутки назад.

– Ну и ладно! – присвистнул сквозь недостающие зубы Колька. – Больно надо надрываться. Я на жестянке больше заработаю! Прямо с утра и пойду банки собирать... Слышь, Мужик, а ты где живешь-то?

– Нигде, – честно ответила я, гадая, в чем причина такого любопытства.

– А пошли ко мне! – жизнерадостно предложил алко-навт. – У меня жить будешь. Баба ты сильная, зарабатываешь хорошо...

Я почувствовала, как мои губы невольно растянулись в улыбке. Ну и ушлый тип этот Колька! Жиголо третьего сорта...

– Нет, спасибо, я лучше сама как-нибудь.

– Ну, тогда могу тебя к Таньке пристроить! – не отставал мужичок. – Танька Черная койки сдает. Деньги у тебя есть...

Я остановилась и внимательно взглянула на алкоголика. Колька доставал мне до плеча, вид имел чрезвычайно замурзанный, и самой яркой деталью его внешности были разбитые кроссовки сорок пятого размера – явно не по росту. Ясные голубые глаза по-детски простодушно смотрели на ме-

ня. Заподозрить его в каком-нибудь коварстве или злодействе мог только человек очень испорченный. К примеру, даже я, со своей памятью, напоминающей чистый, но чрезвычайно помятый лист бумаги, сообразила – тут кроется какой-то подвох.

– А тебе с этого какой... – я прокрутила пальцами, припоминая слово, – какой навар?

Колька хитро прищурился:

– Так мне Танька за каждого клиента десять процентов отстегивает! Идем, не сомневайся! Я тебя не обижу.

И я отправилась вместе с Колькой и еще несколькими согражданами на поиски нового жилья. Танька Черная оказалась курносой блондинкой маленького роста. Одетая в какой-то цветастый халат, хозяйка встретила нас в дверях своего жилища – до невозможности грязной коммунальной квартиры неподалеку от вокзала.

– О, явился, *вилять*, не запылится! – кокетливо засмеялась Танька и хлопнула Кольку по плечу деревянным веером. Такие на привокзальном рынке продавали китайцы. В другой руке Танька держала сигарету, причем на отлете, и в свой халат куталась так, словно это было кимоно гейши. Очевидно, Татьяна позиционировала себя как роковая женщина и знойная красавица. С головой у нее явно было не очень.

При виде меня Танька ничуть не удивилась. Колька подпихнул меня в спину и горделиво заявил:

– Вот, принимай, хозяйка. Жильца тебе привел. Звать ее

Мужик, но вообще-то она баба. С нами работает на разгрузке. Ты ей Володькину комнату отдай, все равно ведь пропадает.

– А чего! – обрадовалась Танька. – Живи, места всем хватит! Пятьдесят рублей в сутки – и комната твоя. Володькины шмотки выкинь и можешь заселяться!

Танька указала мне на дверь в конце коридора, а сама ухватила Кольку под ручку и уволокла на кухню, откуда доносились веселые голоса подвыпивших гостей этого несомненного шалмана и тянуло сигаретным дымом.

Я толкнула дверь и вошла. В комнате было темно, пахло нестиранными носками. Я пошарила по стене в поисках выключателя. Щелчок – и под потолком загорелась слабая сороковаттная лампочка, висящая без всякого абажура на витом шнуре. Она осветила щелястый замусоренный пол, узкую раскладушку с каким-то тряпьем и стопку книг у изголовья. Еще в помещении я увидела консервную банку, полную окурков, служившую пепельницей, трех растерянных таракан и гитару. Что ж, пятьдесят рублей за такое жилье – это не слишком дорого. А если учесть, с какого низкого старта я начинала, то дела мои совсем не плохи. Честно сказать, за двое суток я прошла тот путь, на который человеческой цивилизации потребовались тысячелетия. Я очнулась голой, не помнящей себя, беззащитной и одинокой. И вот теперь у меня есть жилье (в каком-то шалмане), работа (грузчиком, но зато с перспективами карьерного роста) и компания себе

подобных. Правда, мои новые друзья сплошь бомжи и алкоголики, но мне ли быть снобом... В общем, все складывалось удачно.

Единственное, что меня немного смущало – это то, что я заняла комнату покойного Володьки. Похоже, я была обречена донашивать не только штаны этого человека, но и жизнь в целом. Но пока я предпочитала не задумываться о таких сложных вещах. Мне необходимо выжить. Это – первостепенная задача. А цель номер два – вспомнить, кем я была до той ночи, когда очнулась на свалке. Вот на этом и сосредоточимся.

Я погасила свет, приоткрыла окно, чтобы впустить в комнату хоть немного свежего воздуха, скинула с раскладушки черное от грязи тряпье, после чего свернулась калачиком и провалилась в сон.

Утром я первым делом выглянула в окошко. Прямо напротив помещалось здание железнодорожного вокзала. Огромные часы на фасаде показывали половину десятого. Отлично! Я чувствовала себя достаточно отдохнувшей для того, чтобы начать обживать пространство, которое должно было заменить мне потерянный дом.

Я вышла в коридор. По обе стороны располагались два ряда дверей. Некоторые были полуоткрыты, другие распахнуты настежь, так что ничто не мешало мне осмотреть окрестности. Почти во всех комнатах были люди. Какие-то граждане спали вповалку на раскладушках, старомодных кроватях

и просто на полу. В воздухе стоял застоявшийся табачный дым и могучий перегар. Под ноги попадались пустые бутылки и разноцветные кошки. Я побрела по коридору, стараясь не споткнуться о мусор на полу, и наконец вошла в кухню. За столом, накрытым веселенькой клеенкой, сидела Танька и таращила на меня остекленевшие глаза. Хозяйка была в дым пьяна.

– О! – обрадовалась мне Татьяна. – Пойдем выпьем! У тебя есть?

Я отрицательно покачала головой. Танька по-детски обиженно скривилась.

– А ты кто? – наконец поинтересовалась квартирная хозяйка. – Что-то я тебя не помню...

– Я – твой новый жилец. Вместо Володьки, – пояснила я. Танька нахмурила белые бровки:

– Так ведь он помер!

– Вот поэтому, – наставительно проговорила я, – вместо него теперь я живу в той комнате. И плачу тебе полтинник в сутки. Так что выдай мне ведро и тряпку.

– Зачем?! – изумилась хозяйка.

– Секрет, – ответила я.

– Да здесь сроду такого не было! – пожала плечами Танька. – Тряпок полно, бери любую! – И хозяйка широким жестом обвела свои хоромы. – А ведро Колька пропил, извини.

– Ладно, я что-нибудь придумаю, – пообещала я и покинула кухню.

Примерно полдня ушло у меня на то, чтобы привести комнату покойника Володьки в приемлемый вид. Первым делом я отправилась в магазин и сделала кое-какие покупки. Ведро и швабра шли в моем списке под номером первым и вторым. Я сгребла вещи покойника в черный пакет для мусора и, мысленно попросив у Володьки прощения, вынесла все это на помойку. Оставила только стопку книг и гитару. Я взяла инструмент в руки, тронула струны... Нет, играть на гитаре я в прошлой жизни точно не умела. Потом я принялась за уборку. Когда часы на здании вокзала показали час дня, я присела передохнуть. В это время дверь приоткрылась и в проеме возникла голова Таньки. Хозяйка вытаращила глаза:

– Ты это... чего это здесь наделала-то?!

Я вздохнула и объяснила:

– Понимаешь, раз я тут живу, значит, все должно быть по-моему. Мне нравится, когда пол *видно*, понимаешь? И окно должно пропускать свет. А что, какие-то проблемы?

– Да нет. – Танька смотрела на меня как на ненормальную. – Охота тебе молодость свою тратить на уборку?!

– Охота! – твердо ответила я, и Танька скрылась, перед тем покрутив пальцем у виска.

Так началась моя жизнь в шалмане. Вскоре она вошла в привычное русло, и небольшие странности, присущие этому чудному месту, перестали вызывать у меня удивление.

Владелицей большой коммунальной квартиры была Танька Черная. Когда-то давно остальные комнаты населяли ка-

кие-то соседи, но никто не мог долго выносить круглосуточного веселья, царившего в шалмане, и соседи куда-то делись.

Каждую ночь в огромной квартире на продавленных кроватях и просто на полу ночевало не меньше двух десятков человек. Причем только половина жильцов была постоянными, остальные менялись. Шалман притягивал к себе всякую странную публику со всего города. Спившиеся йоги, веселые поддатые бабенки с фонарями под каждым глазом, профессиональные бродяги, что останавливались на пару ночей отдохнуть и подкормиться, а потом отправлялись в свои бесконечные странствия по нашей необъятной родине – кого тут только не было! Однажды утром я обнаружила на полу своей комнаты совокупающуюся парочку. На мои вопросы, что, собственно, они здесь делают, мужик, оторвавшись всего на пару секунд от своего приятного занятия, сообщил мне, что они практикуют тантрический секс, посоветовал спать спокойно и продолжил процесс. Я пожала плечами, перевернулась на другой бок, накрылась одеялом с головой и заснула. Но в тот же день поставила задвижку на дверь своей комнаты.

В другой раз на кухне меня подловил старичок в красном берете. У старичка в руках был блокнотик, в котором он проворно черкал карандашом. Старичок вежливо попросил разрешения сделать с меня набросок, потому что у меня «интересный типаж». Я хмуро кивнула и принялась за еду – после смены я всегда была голодна как волк. Когда минут

через пятнадцать старичок вручил мне готовый портрет, я присвистнула. Это был сделанный легкими штрихами, уверенной профессиональной рукой портрет женщины с правильными чертами лица и ежиком едва отросших волос на бритой голове. Неужели это я?! Я сунула художнику денег. Он принял плату за работу с достоинством профессионала и удалился из шалмана. А я в тот же день купила и повесила у себя в комнате маленькое зеркало.

Днем жизнь в шалмане замирала. Его обитатели спали до обеда, а потом выходили на охоту. Предметом этой охоты могло быть все, что угодно: сплюснутые жестянки из-под пива, картон и бумага, пластиковые бутылки. Все это можно было сдать в переработку за очень небольшие деньги. Кто-то пытался подрабатывать – в основном таская тяжести или копая канавы. Но большинство обитателей шалмана было хронически неспособно к регулярной работе. Кто-то пробовал воровать, но обычно это заканчивалось плохо – с такой замедленной реакцией и напрочь спаленными дешевым алкоголем мозгами за криминал лучше не браться.

Однажды амбал Миша предложил мне «взять сейф тут неподалеку». Мне стоило большого труда отказаться. «Ну ты же умная баба! – гудел Миша и умильно заглядывал в лицо. – С тобой мы все провернем по-умному! Не с *этими* же мне идти!» Вскоре после этого Миша пропал. Понятия не имею, что с ним случилось.

Из постоянных жильцов самой яркой фигурой был Коль-

ка. Назойливый, как навозная муха, но совершенно беззлобный, он был родом из деревни. Отсидел за драку, в которую ввязался по пьяни, и домой уже не вернулся. Зона его сломала. Зубов в его улыбчивом рту почти не осталось, и голова сделалась абсолютно лысой, несмотря на то что лет Кольке было не так уж много. На голом черепе виднелись жуткого вида шрамы, а небесной голубизны глаза смотрели как будто издалека, словно Колька постоянно сомневался: а с ним ли все это происходит? Несмотря на свое юродство, Колька умел быть очень практичным, именно он притаскивал в шалман новых жильцов.

Расценки у Таньки были самые демократичные. Койка – червонец, комната – полтинник. Думаю, хозяйка вообще не брала бы денег за постой, настолько ей нравилась веселая компания, но Колька собирал дань и отдавал Татьяне, гордясь своей ролью контролера.

Танька была, что называется, без царя в голове. Она ложилась в постель с каждым, кто позовет, но утверждала, что любит одного Кольку, и считала себя его невестой. Прозвище Черная она присвоила себе сама в честь знаменитой цыганки Ляли Черной, исполнительницы романсов. Петь Танька не умела, но иногда пыталась. Днем хозяйка ходила в трениках и майке, а по вечерам переодевалась в свое замечательное кимоно.

Время в шалмане летело незаметно. Я купила календарь и повесила его на стенку. Во-первых, красиво, а во-вторых,

надо же иметь хоть какое-то представление о времени, правда? Закончился август, пролетел сентябрь. Моя жизнь вошла в накатанную колею. По ночам я работала на разгрузке. Я больше не ходила на вокзал в составе «инвалидной команды», которую хитрый бригадир использовал на бросовых работах, чтобы сэкономить. Теперь я работала в бригаде настоящих «грузил» – это были мрачные мужики, в основном приезжие. Никто из них не тратил время на разговоры и перекуры. Мы вкалывали в хорошем темпе, получали свои деньги и расходились, не сказав ни «здравствуйте», ни «до свидания». Сначала эти мужчины с удивлением поглядывали на меня, но потом привыкли и уже не обращали внимания на то, что я женщина. После двух месяцев такой работы мои мышцы пролегли под кожей как веревки. Я могла поднять такой же вес, как здоровенный мужик. Петрович не уставал восхищаться моими талантами (это заставляло остальных работать быстрее). Я вполне прилично зарабатывала. Купила себе нормальную одежду и обувь. Приспособилась ходить в сауну по соседству с вокзалом – пользоваться Танькиным душем можно было только в резиновых сапогах. Ну, или в костюме полной химической защиты.

Два раза я побывала в кино – сама не знаю, зачем меня туда потянуло, но мне понравилось. Один раз я попала на трехчасовую картину о землянах на далекой планете, где царит мрачное средневековье. Фильм отталкивал запредельным физиологизмом и зачаровывал красотой кадра. Второе

кино было голливудским боевиком про спецагента по фамилии Борн. Парнишка потерял память и весь фильм пытался ее вернуть. Вернул, и мало не показалось никому. Кино мне понравилось.

Я начала бегать по утрам. Не то чтобы мне было мало физических нагрузок на работе, просто я обнаружила, что свежий воздух и движение хорошо действуют на меня. В голове вроде бы проясняется, и кажется, что вот-вот вспомнишь... Я купила себе дешевый телефон, хотя звонить мне было совершенно некому. Телефон я использовала как плеер. Теперь по утрам я бегала под Малера или Вагнера, «Квин» или «Арми оф лаверс». И только потом возвращалась в шалман, чтобы выспаться.

Однажды Кольке удалось заманить меня на кухню, и я приняла участие в одной из еженощных пьянок. «Ну иди, Мужик, иди, чё ты как неродная! Люди обижаются!» – ныл Колька.

Я уступила. Было странно сидеть плечом к плечу с себе подобными, чокаться гранеными стаканами и глотать обжигающую жидкость. Кажется, это был дешевый ром.

Очнулась я наутро. Шалман был пуст. Входная дверь висела на одной петле. Стол треснул пополам, и посуда хрустела под ногами. Остатки немудреной закуски прилипли к полу. Кошки брызнули от меня в разные стороны, когда я с трудом поднялась, держась за стенку. Голова болела отчаянно. В памяти возник еще один провал – вдобавок к тому, что

уже существовал до этого, заменяя мне память в целом.

Вскоре в дверях показались робкие физиономии Таньки и Кольки. Хозяева по стеночке вошли, оглядывая разрушения.

– Слушайте, кто это так все разнес? – поинтересовалась я, держась за голову.

Хозяева переглянулись.

– Ты что, совсем ничего не помнишь? – изумилась Танька.

– Совсем. А что?

– Да ничего, – ответил Колька и улыбнулся. – Только ты это... знаешь, Мужик... лучше тебе и *вправду* не пить больше с нами.

Я и не пила. Вместо этого я теперь по вечерам выходила на *охоту*. Это была вовсе не та охота, что у остальных обитателей шалмана. Я не собирала жестянки, не связывала в пачки упаковочный картон. Объектом моей охоты были люди.

Дело в том, что приблизительно раз в десять дней кто-то из жильцов Таньки Черной исчезал. И через пару дней его изуродованный труп находили где-нибудь в лесополосе или за складами, но всегда в районе железной дороги и вокзала. Убивали с особой жестокостью. Очевидно, это была банда из нескольких человек. И одной из жертв и стал Володька, от которого мне в наследство досталась сначала одежда, а потом и комната.

Не помню, в какой момент у меня возникла мысль, что я непременно должна найти убийц. Возможно, после того, как пропал Художник – тот самый старик в берете, что на-

рисовал мой портрет. Я рассовала по карманам кое-какие предметы, повязала голову банданой и отправилась на поиски убийц. Я пока еще не знала, что произойдет, когда я наконец их найду. Но что-то мне подсказывало – думать не придется и тогда. Я просто *сделаю* то, что должна, вот и все. Но дни летели за днями, а банда так и оставалась неуловимой.

Повезло мне в самом конце сентября. Темнело теперь рано. Петрович ждал меня сегодня к полуночи, когда должен был прийти состав из Приморья, а до тех пор я была свободна как ветер. Я обходила склады и ангары, весь знакомый мир изнанки нормальной жизни нормальных людей. И тут услышала вопль. Знакомый голос...

– Ёшки-матрёшки! Чё ж вы, нелюди, делаете!

Это был Колька. Я завернула за угол ангара и остановилась. Их было человек семь – крепкие бритоголовые юнцы, все в черном и в тяжелых ботинках. Двое поочередно пинали лежащего на земле Кольку, который ежился и старался закрыть голову, а остальные пританцовывали вокруг, дожидаясь своей очереди.

У одного в руках виднелся странный агрегат. При свете фонаря я рассмотрела строительный пистолет. Да, это точно были они – те, кто прострелил колени Володьке и прикончил остальных. Я не стала предупреждать бандитов о своем появлении. Я вообще не собиралась давать им ни единого шанса. Человек может совершить преступление однажды – не потому, что он преступен по натуре, а просто потому, что так

повернулась жизнь. Позвали друзья – и все вместе грабанули ларек, и так же дружно сели в тюрьму. Провожал девушку, пристали подвыпившие парни – и загремел на зону за превышение самообороны. Начальник велел подделать бумаги – и вот уже тетечка-бухгалтер отправляется на нары. Таких историй миллионы. Но эти парни... Не знаю, были ли они идейными и убивали несчастных бомжей по каким-то сложным соображениям или попросту получали удовольствие от того, чтобы забить насмерть незащитного стонущего человека. Я не собиралась выяснять.

Вместо этого я шагнула из темноты и ударила первого – того, кто стоял ближе всех ко мне и вытягивал шею, чтобы рассмотреть, как корчится на земле Колька, – ударила его в висок. В моей руке был зажат короткий металлический крюк – я подобрала его на путях. Удивительно удобное оружие – с одного конца раздвоенный носик, с другого – металлическое кольцо. Вот кольцом я и приложила первого из юных бандитов.

Надо сказать, парни сориентировались быстро. Видимо, они все-таки состояли в какой-то организации либо занимались какой-то борьбой и тренировались вместе, но действовали они слаженно, как сыгранная команда. Значит, мне нужно ускориться, не давая им шанса. Если я упаду, встать мне уже не дадут.

Второго я ударила костяшками пальцев в переносицу, а когда он начал заваливаться назад, пнула ботинком в пах.

Следующего я достала крюком – металлическое острие оставило глубокую рану у него в плече. Надеюсь, ты вовремя делаешь прививки от столбняка, потому что крюк исключительно ржавый... Четвертый попытался достать меня ногой, но я поднырнула под летящую ногу в тяжелом ботинке и ткнула крюком в незащитное мягкое место. Душераздирающий вопль прорезал темноту. Колька засучил ногами и проворно пополз прочь от места драки.

Пятый владел каким-то восточным единоборством. Очевидно, его навыки вызывали уважение в этой компании, потому что его товарищи посторонились, освобождая парню пространство для боя. Но я не собиралась давать ему шанс покрасоваться. У нас тут не ринг, и ни в какие единоборства, хоть восточные, хоть западные, вступать я не намерена. У нас грязная уличная драка, и я хочу только одного – покалечить этих тварей так, чтобы они и думать забыли о своих ночных развлечениях. Вот и все. И ничего больше.

Поэтому я повторила трюк, который подсмотрела в кино – достала баллончик освежителя воздуха и зажигалку. Мгновение – и огненная струя ударила в застывшую в красивом прыжке фигуру нападавшего. Тот завизжал и покатился по земле, пытаясь сбить пламя. А двое оставшихся переглянулись и бросились на меня. Они были сильными и тренированными мальчиками. Один успел приложить меня пудовым кулаком в скулу, отчего в голове зазвенело и мир поехал куда-то в сторону, а второй достал ботинком мне по ребрам. Но

больше они ничего не успели. Первому я сломала обе руки, а второму ногу. После чего подхватила за шиворот Кольку, который все пытался уползти в темноту, и поволокла прочь от места побоища.

– Ёшкин кот! Ну ёшкин кот! – как заведенный повторял Колька до тех пор, пока мы не плюхнулись без сил на колчегоние табуреты в Танькиной кухне. Прибежала Танька, принялась охать и ахать над побитой рожей своего кавалера. Серьезного вреда Колькиному здоровью молодые упыри причинить не успели, так что все обошлось.

Я прошла в свою комнату, разделась и осмотрела себя. На физиономии наливался синяк: все-таки кулак у юноши был здоровенный. На ребрах след от ботинка в виде фиолетового отпечатка, но сами ребра целы. Отлично.

Я умылась, переоделась, выкинула крюк в уличный сортир и вернулась на кухню. Колька все еще продолжал плакаться о том, какие вот на свете бывают злые люди. При виде меня алконавт замолк. Я присела напротив и сказала:

– Теперь моя жизнь зависит от вас.

– Как это? – не поняла Танька. Она всегда соображала исключительно медленно. Колька был куда умнее. Он молча кивнул.

– Понимаете, этих типов скоро найдут. И примутся искать того, кто это сделал. Если вы хоть слово кому-то скажете, они меня обязательно найдут. И я сяду лет на пять.

– Ты ж Коленьку защищала! – вскинулась Танька. – Они

бы его убили, как Володьку...

— Это не важно, — объяснила я. — Те уроды на меня не напали. Так что никакой самозащиты. Я напала на них первая. Думаю, никого не убила, но покалечила как следует. Сейчас я позвоню в полицию и сообщу, что эти парни — та самая банда, что за последние полгода прикончила два десятка человек. Но после этого мне придется уйти.

— Куда... уйти? — не поняла Танька.

— Куда-куда... на кудыкину гору! — осерчал от ее непонятливости Колька. — Скрыться ей надо, на дно залечь. А то придут сюда, у ней морда битая. Начнут вопросы задавать.

— Я никому не скажу! — Танька прижала руки к груди и уставилась мне в лицо умоляющими глазами. — Слышь, не уходи, а?

Я задумалась. Если я не приду на работу, Петрович поймет, что дело нечисто. Бригадир как раз из тех, кто способен сложить два и два и сделать правильный вывод, сколько в итоге получилось. Так что придется отработать последнюю смену как ни в чем не бывало. Иначе Петрович наведет на мой след полицейских, а в шалмане не спрячешься: все привокзальные притоны хорошо известны участковому. Я уже имела удовольствие познакомиться с пузатым дядечкой с колючим взглядом. За это время он пару раз приходил с инспекцией. Мой вид участковому чем-то страшно не понравился, и, как ни вился перед ним Колька мелким бесом, пытаясь отвлечь на себя внимание, участковый пообещал, что

будет за мной «приглядывать».

Так что не позднее завтрашнего утра мне придется, как выражается здешняя публика, рвать когти... Жаль, я уже почти привыкла к своей новой жизни. Да, я понимаю, что так не могло продолжаться долго. Просто я все надеялась, что вот-вот случится чудо и я все вспомню... Но чуда не случилось. Придется, как обычно, самой.

Таская упаковки с мороженой рыбой, я прикидывала, как лучше поступить. Так, решено – в шалман после работы я возвращаться не стану. Деньги у меня с собой, немного, но на первое время хватит. А вещи пусть останутся Таньке. Все равно там нет ничего такого, что нельзя было бы купить в ближайшем супермаркете...

Но рвать когти мне не пришлось. И план побега, тщательно продуманный мной, так и остался невостребованным. Потому что произошло непредвиденное.

Пришел Кипчак.

Глава 2

Должна признаться, что к этому времени я уже не была таким чистым листом, как раньше. За два месяца произошло несколько событий, позволивших мне навести мосты в прошлое.

Однажды, еще в самом начале, я брела по привокзальной площади к любимому киоску с пирожками. На мне были растянутые треники и безразмерная секонд-хендовская майка, на ногах – резиновые шлепанцы. Вдруг проходивший мимо молодой человек приличного вида подмигнул мне. Я поспешно отвела глаза: не хватало еще, чтобы меня приняли за привокзальную шалаву! Но прохожий произнес:

– Женья! Сколько лет, сколько зим! Ты что здесь делаешь? Опять «метод хамелеона»? А я в вашем городе проездом. Сто лет не был в Тарасове. Извини, на поезд опаздываю...

И скрылся в толпе. А я осталась стоять, гадая, что это было. Молодой человек явно обращался ко мне. И он назвал меня Женей. Значит, либо я действительно только что узнала свое собственное имя из прошлой жизни... Либо прохожий обознался и принял меня за другую. Но при чем тут хамелеоны? Я же явственно слышала, как он произнес: «Метод хамелеона»... Ничего не понимаю!

Вторая история была куда более грустной. Случилось это недели две назад. В районе все той же привокзальной площа-

ди я встретила женщину, лицо которой показалось мне смутно знакомым. Самая обычная пенсионерка интеллигентного вида. Выглядит усталой. Под глазами синяки, лицо бледное – как будто недавно перенесла тяжелую болезнь. Женщина брела, не поднимая взгляда от трещин на асфальте, и я обратила внимание, что сумка с продуктами слишком тяжела для нее. Не знаю, почему, но мне захотелось подойти и помочь. Почему-то в памяти всплыло имя Мила. Но вот была ли я знакома с этой пожилой женщиной в прежние времена? И если да, то кем мы доводились друг другу? Родственницами? Соседками по дому? Случайными попутчицами в поезде? Память молчала. Ни малейшей подсказки!

Все же я решила проводить «Милу». Поскольку время резиновых тапочек на босу ногу давно миновало и я была одета вполне пристойно, я рискнула запрыгнуть вслед за женщиной в автобус. День был прохладный, я надвинула капюшон кофты почти на лоб. Почему-то мысль о том, что «Мила» меня узнает, вызывала тревогу. Нет, погодим раскрывать наше инкогнито... Ехали мы долго, потом пенсионерка вышла и побрела к дому, не вызвавшему в моей памяти никаких ассоциаций. У подъезда «Мила» повстречала еще одну пенсионерку – очевидно, соседку.

– Ну что, Людмилочка, нет новостей о Женечке? – блестя любопытными глазами, осведомилась соседка. «Мила» покачала головой и неожиданно залилась слезами.

– Нет, никаких! Полиция ничем не может мне помочь!

Говорят, никаких следов, – всхлипывала «Мила».

– Ну, ты не расстраивайся! – Соседка, кажется, и сама была не рада, что затеяла этот разговор. – И не отчаивайся. Она обязательно найдется...

– Я не отчаиваюсь! – «Мила» утерла слезы. – Я верю, что Женя вернется. Может быть, ей пришлось скрыться из-за работы. И она просто не может подать мне знак, что жива и здорова. Так что я просто жду. И буду ждать столько, сколько нужно.

Переговариваясь, пожилые женщины вошли в подъезд. Я не решилась войти вслед за ними. Но на всякий случай запомнила адрес. Что ж, вполне вероятно, что они говорили обо мне. Значит, я и есть та самая пропавшая Женечка. Интересно, что же у меня за работа такая?!

Третьим «звоночком» было то, что дня три назад меня окликнули на улице. «Женя? Женя Охотникова?! Это ты?» Я отрицательно качнула головой, спеша по своим делам, и человек в растерянности остановился, глядя мне вслед. «Простите, обознался...» – пробормотал он. Но я уже знала, что нет, не обознался. Один человек может ошибаться, но чтобы трое сразу – маловероятно. Или мы с этой таинственной Женей Охотниковой близнецы, или она и есть я. В смысле я и есть она... Тьфу, путаница какая!

В общем, я пересчитала свои сбережения и отправилась покупать телефон с выходом в Интернет. На вокзале был бесплатный вайфай, поэтому я проникла в здание (благодаря

ря приличному виду я могла входить туда, куда, к примеру, Кольке или Таньке Черной вход был заказан), уселась на скамейке и принялась прочесывать просторы Интернета в поисках информации о себе самой.

Я выяснила, что Евгения Максимовна Охотникова была телохранителем. Так, это многое объясняет... Охотникова пропала без вести два месяца назад. Все сходится! Проживала по адресу... Адрес был тот самый, куда я провожала «Милу». Что ж, теперь я *знаю*, кто я такая. Проблема в том, что я совершенно этого *не помню*. Радоваться пока рановато – сначала нужно выяснить, что же со мной случилось...

Я не успела раздобыть новую информацию о своем прошлом. И вот теперь мне придется бежать, искать новое место для жизни. Новую работу, новых друзей. Я не могу назвать обитателей Танькиного шалмана друзьями в полном смысле слова. Все эти два месяца я жила особняком. Однажды меня попытались изнасиловать, но горько об этом пожалели. Дважды из моей комнаты воровали вещи, трижды – деньги. Но все же благодаря этим людям – Тане Черной, Кольке и остальным – я получила крышу над головой, какую-никакую работу, возможность в поте лица, как полагается, зарабатывать свой хлеб. Я получила время для того, чтобы в относительном покое и безопасности прийти в себя. Что ж, передышка закончена. Я использовала ее на все сто процентов. Я выжила, социализировалась, восстановила физическую форму, и самое главное – узнала, кто я такая. Настала пора рас-

прощаться с моими случайными друзьями. Думаю, вскоре меня ждет встреча с людьми куда менее приятными...

Так я размышляла, таская пятидесятикилограммовые упаковки замороженной рыбы. От этого привычного занятия меня отвлекла суета, поднявшаяся на площадке между ангарами. Стих бодрый матерок Петровича, что покрикивал на грузчиков, руководя работами. Все забегали, как муравьи, когда в муравейник сунули соломинку. Никак начальство пожаловало...

Вдалеке затормозили четыре джипа с тонированными стеклами, и я сообразила, что приехал хозяин. Весь комплекс складов, ангаров, подъездных путей, все дрезины, контейнеры, коробки, ящики, мешки, все «грузилы» – от «инвалидной команды» до профессиональных амбалов – все это имело хозяина. И вот сейчас он почтил нас своим присутствием.

Я знала, что этого человека зовут Аким Николаевич Увеков. Но все называли его Кипчак. Думаю, невозможно быть хозяином одного из крупнейших в Поволжье погрузочно-складских комплексов и не иметь погоняла. Как-то это будет неправильно...

Ну и ладно, мне-то какое дело. Я вообще дорабатываю последнюю смену. Получу деньги из потной ладони Петровича, и только меня и видели. Не стану же я дожидаться, пока к нам нагрянет полиция в поисках того, кто покалечил семе-

рых бритоголовых юношей...

Тут в мою голову закралась мысль, заставившая меня похолодеть. А что, если бритые были никакими не скинхедами, как я решила сначала? Что, если они принадлежали к окружению Кипчака? А что, какие-нибудь бычки. Кандидаты в серьезные бойцы, проверяющие свои способности на бессловесных бомжах... Если это так, тогда я влипла. Кипчак на счет «раз» выяснит, кто причастен к нападению на его ребятишек. Тот же Колька, нажми на него покрепче, запоем, что твоя канарейка... А если Кипчак узнает, что я в этом замешана, мне не жить. Эх, и зачем я вышла сегодня на работу! Надо было рвать когти, как подсказывала интуиция. «Последняя смена, последняя смена...» Как бы она и в самом деле не стала последней...

Я надвинула капюшон кофты на лоб, покрепче ухватила картонную упаковку с рыбой и потащила куда велено. Не стоит привлекать к себе внимания. Может быть, Кипчак приехал сюда вовсе не по мою душу...

Так и оказалось. Хозяин стоял рядом с Петровичем, орлиным взором озирая кипевшую вокруг суету. Я исподлобья бросила быстрый взгляд на Увекова. Невысокий широкоплечий мужчина лет тридцати пяти, в черных джинсах и майке, в черной куртке из тонкой кожи. Светлые короткие волосы, загорелая или просто смуглая кожа, глаза узкие, но не монголоидные. На запястье дорожные часы, на ногах ботинки, а не кроссовки. Смотри, как быстро обучается! Небось лето

проводит в Норвегии с женой и дочкой, а на завтрак предпочитает овсянку, потому что слышал про холестерин...

Кипчак вел себя спокойно, глазами по сторонам не шарил, так что я вздохнула с облегчением. Видимо, причина его приезда была чисто технической. Петрович вытянулся перед хозяином, держа руки едва ли не по швам. Мне стало смешно, и я ускорила шаг, чтобы не фыркнуть ненароком при виде того, как жестокий бригадир, тиран и деспот, ловит взгляд своего патрона. За спиной Кипчака маячил здоровенный мужик в джинсах и черном свитере. Свитер за поясом слегка оттопыривался. Очевидно, мужик был личным охранником Увекова.

Аким Николаевич скользнул по мне незаинтересованным взглядом и вернулся к разговору с бригадиром. А я швырнула упаковку рыбы на землю и прыгнула на Кипчака, сбивая его с ног. Мы покатались по земле, причем хозяин складов неожиданно быстро пришел в себя от потрясения и принялся вырываться. Мы боролись на земле, как пара нанайских мальчиков. Я не давала хозяину встать, а он извивался. Наконец Аким Николаевич заорал: «Снимите с меня эту суку!»

Из темноты набежали какие-то люди, и я немедленно отпустила Кипчака. Не хватало еще, чтобы его парни меня помяли, демонстрируя служебное рвение...

– Вы бы не выходили на свет, Аким Николаевич, – посоветовала я, сидя на земле и отряхиваясь. Лицо немедленно покрылось разводами, как будто защитная раскраска. – Там

где-то на крышах киллер с оптикой.

Только тут хозяин складов обратил внимание на своего охранника. Здоровенный мужчина лежал на асфальте, его горло было пробито пулей навывлет. Как раз на уровне того места, где находилась голова Кипчака, когда он стоял под защитой своего охранника...

Кровь с бульканьем еще вытекала из раны, но телохранитель был уже мертв – все-таки, пока мы катались по земле, прошло не меньше двух минут.

– Не вставайте. И не выходите на освещенное пространство, – повторила я. – Хотя он и в темноте вас прекрасно увидит. У него отличная оптика.

– Кто видит? – переспросил хозяин. Кипчак сидел на земле и выглядел не лучше меня.

– Киллер, – ответила я.

– Проверь, – приказал кому-то Аким Николаевич, и сразу несколько его людей бегом бросились в темноту. Кипчак поднялся. Его лицо застыло, как надменная маска. Сделал несколько шагов по открытому пространству и встал за громадный металлический контейнер. Теперь он был в безопасности. Я не могла не восхититься его бесстрашием – эти несколько шагов могли стоить ему жизни, но Кипчак не хотел терять лица перед свидетелями покушения, перебираясь в безопасное место на четвереньках.

Вокруг толпились растерянные, ничего не понимающие грузчики. На Петровича вообще было страшно смотреть –

бригадир позеленел и трясся крупной дрожью. Аким взглянула на него, скривился и негромко приказал:

– Всем работать! Чё встали? Цирк окончен. Давай, Петрович, налаживай процесс. Тебя мои дела не касаются...

Петрович с облегчением перевел дух и кинулся распоряжаться:

– Чего встали, мудозвоны? Покойника не видали? Полсостава не разгружено, рано отдыхать взялись! А ну, по местам!

Толпа рассосалась, и вскоре все уже продолжали работу, как будто не было никакого покушения.

Аким хмуро взглянул на меня и спросил:

– Откуда узнала, что будут стрелять?

Я пожала плечами. За мгновение до того, как я прыгнула на Кипчака, я совершенно не собиралась делать ничего подобного. Отсвет прожектора на оптике, и я среагировала, даже не думая ни о чем, а просто действуя, как поступала десятки, сотни раз, так, как меня когда-то учили...

– Прицел бликнул, – пояснила я.

Кипчак хмыкнул и прищурился:

– Ты кто вообще и откуда?

Я молчала. Ну вот совершенно не собираюсь посвящать в мои дела этого человека! Кипчак скорее способен *создавать* проблемы, чем решать их. К тому же представляю, как моя история звучит, если взглянуть на нее со стороны. Очнулась на помойке, совершенно не помню, кто я и откуда...

И вы думаете, такой человек, как этот прибандиченный хозяин складского комплекса, мне поверит?!

— Ладно, — протянула Кипчак с легкой угрозой в голосе. Тут вернулись его люди — те, кто бегал искать киллера.

— Без шансов, — задыхаясь, доложил старший. — По крышам ушел. Винтарь бросил. Профессионал, так его перетак...

Второй протянул Кипчаку винтовку с оптическим прицелом. Кипчак внимательно смотрел на оружие, чуть было не продырявившее ему башку, но дотронуться даже не пытался. Винтовка была тяжелая, держать ее на вытянутых руках крайне неудобно. Руки бойца медленно опустились. Кипчак мрачно поинтересовался:

— И зачем вы мне это притащили? Я вам чё, сыскарь? Щас будем делать баллистическую экспертизу, прямо здесь?

— Извини, Аким Николаевич, не подумал, — крикнул старший. — Чего делать-то теперь?

— Немедленно верните эту дырину на место! — сквозь зубы процедил Кипчак. — И ментов вызывайте.

— Чего? — не поверил своим ушам старший.

— Ментов, говорю! — слегка повысил голос Кипчак. — Пускай дело заведут. О покушении на законопослушного, блин, предпринимателя Увекова А. Н. Ладно, я поехал. Некогда мне тут с вами...

Кипчак широким шагом двинулся к машине. Вдруг остановился, обернулся на мгновение и махнул рукой в мою сто-

рону:

– Да, и эту тоже прихватите. Я с ней еще не закончил.

Двое крепких ребят ухватили меня за плечи и повели к джипу. Сопротивляться я не рискнула. Конечно, можно было бы вырубить этих двоих и раствориться во мраке. Склады и пути я изучила так, что могу бегать тут и в полной темноте. Но какой в этом смысл? Ну, пустит Кипчак за мной в погоню с десяток своих бойцов. Ну, обезврежу я их по одному в темных закоулках за ангарами. И что? Наживу себе могущественного врага. О Кипчаке я знаю мало, но того, что знаю, хватит для того, чтобы понять – с ним лучше не ссориться. Кипчак крайне злопамятен. Никого не прощает. Конечно, это вам не браток из девяностых. Кипчак умен и расчетлив и не сделает ничего, не просчитав тщательно все риски и потери. Но за тем, кто нападет на его людей, начнется настоящая охота. А я вовсе не собираюсь изображать загнанного волка, которого со всех сторон обложили красными флажками...

Так что я спокойно позволила усадить себя в машину сопровождения, и джипы рванули с места. Ехали мы долго – очевидно, дом Акима Николаевича располагался где-то за городом. Я покрутила ситуацию в голове и так и эдак и решила, что, вероятнее всего, Кипчак едет к себе домой. А что? У него там наверняка оборудована комната для допросов. Ну что, Охотникова... если ты, конечно, действительно Охотникова. Ты влипла, да? Ну что тебе стоило просто пройти ми-

мо, таща упаковку рыбы? Сейчас Кипчак лежал бы с пулей между глаз, а ты ехала бы прочь в вагоне какого-нибудь товарного поезда, идущего куда-нибудь на Дальний Восток...

Хотя нет. Если бы я исчезла сразу после убийства хозяина складов, на меня тут же пало бы подозрение. Повесили бы всех собак. Так что сбежать не получилось бы. Пришлось бы вернуться в Танькин шалман. А там меня уже поджидала бы полиция: я ни секунды не верила в то, что Танька и Колька сохраняют в тайне, кто именно уделал скинхедов...

В общем, куда ни кинь, всюду клинья...

Наконец джипы въехали в раздвижные ворота и остановились перед трехэтажным особняком с башенками – типичный загородный дом богатого провинциального предпринимателя. Я вышла из машины, и меня тут же ухватили за локти. Но все же я успела оглядеться. Единственным необычным объектом был каменный истукан, врытый в землю у дверей. Кажется, это была самая настоящая половецкая каменная баба...

Кипчак прошел в дом, и меня втащили по лестнице вслед за ним. Навстречу Акиму Николаевичу бросилась какая-то женщина. Длинные светлые волосы были распущены по плечам, халат из золотистой парчи и шлепанцы, какие носят обитательницы гарема в сериалах про Восток, довершали наряд.

– Аким! Что случилось?! – ахнула красавица.

– Уйди, – резко бросил ей Кипчак. – Нормально все.

Женщина послушно исчезла за дверью. Кипчак уселся в низкое кресло возле круглого столика, уставленного бутылками дорогого спиртного. Придвинул к себе чистый стакан и плеснул на два пальца бренди. Сделал всего один глоток, недопитый стакан поставил на столик. Да, с самоконтролем у Акима Николаевича все в порядке. И нервишки не шалят.

– Рассказывай, как было дело, – обратился ко мне Кипчак, не глядя на меня.

– Пусть сначала ваши люди меня отпустят, – сказала я. – Если бы я хотела вашей смерти, мне нужно было бы просто подождать.

– Логично. – Кипчак сделал знак тем, кто меня держал. Сильные руки разжались. Парни вышли из комнаты. Мы остались одни. Я придвинула кресло и села, не дожидаясь приглашения. Кипчак едва заметно дернул ртом, но ничего не сказал.

– Рассказывай! – приказал он.

– Да я уже все объяснила! Увидела блик, ну и среагировала...

Кипчак уставился на меня, словно хотел прочесть мои мысли. Я молчала. Хозяин взял стакан и покрутил его в руках.

– Ты вообще кто? – наконец спросил хозяин складов. – Мне Петрович давно доложил, что у него работает непростая баба. Так что я о тебе слышал. Жила ты в шалмане у Таньки, держалась особняком. Не пьешь, не колешься. Ходишь

чистая. Да еще бегаешь по утрам... В общем, экзотика!

Кипчак хмыкнул, изучающе глядя на меня. Я молча пожала плечами. Надо же, сколько он обо мне знает! А я-то думала, что хозяин складов и не подозревает о моем существовании...

– А теперь колись, кто тебя заслал! – Кипчак подался вперед. Я обратила внимание, что на правой руке у него не хватает пальцев. Отсутствуют указательный и безымянный. Да, оружие такой рукой точно не удержать...

– Я спортсменка, стрелок. Точнее, биатлонистка, – начала я вдохновенное вранье. – Раньше все было нормально, но недавно у меня начались проблемы. Ну, я и решила уехать, начать жизнь заново. Так попала в ваш город. Вот и вся история.

Еще в машине я продумала, что говорить о себе. Правду – нет, нельзя, ни в коем случае! Значит, следовало выдумать что-то правдоподобное. История про бывшую спортсменку вполне объясняла мои странности. Откуда мое умение разбираться в оружии, почему бегаю по утрам...

– Ладно, – протянул Кипчак. – Верю.

– Слушайте, а что это у вас половецкая баба у дверей стоит? Балбала? – неожиданно даже для себя самой вдруг спросила я.

Аким Николаевич вскинул брови:

– Ты что, разбираешься?

Я уже поняла, что Увеков неспроста гордо носит свою

кличку. Похоже, он был из тех, кто выискивает далекого предка среди какого-нибудь древнего народа и старательно им гордится. У некоторых дело заходит очень далеко. Кое-кто даже заводит персональных шаманов. Но Кипчак не похож на такой клинический случай. Однако своими далекими предками гордится.

– Да нет, о кипчаках я знаю мало. – Я задумалась, потом продолжила: – Только то, что этот народ когда-то жил здесь, где сейчас стоит город Тарасов. Предки кипчаков – сиры, одно из уйгурских племен, кочевавших в степях между Алтаем и Тянь-Шанем где-то в IV–VI веках. После одного неудачного похода поменяли название на «кипчаки», что означает «злосчастные». Ну, это они погорячились, потому что дальше все у них стало хорошо. К XI веку они завоевали все окрестные племена, им подчинялась почти вся территория современного Казахстана. Границы их владений пролегли по Волге и Иртышу, с севера кипчаков останавливали только леса Восточной Сибири... От Алтая до Итиля, то есть современной Волги, пролегла Дешт-и-Кипчак, кипчакская степь, в русских летописях названная Подем половецким. Веку так к XII кипчаки стали силой, с которой считался не только славянский, но персидский, арабский и романо-германский мир. Самое раннее упоминание о кипчаках – Селенгинский камень, часть погребального комплекса Бильге-кагана, одного из основателей Восточно-тюркского каганата в Центральной Монголии. Если память мне не изменяет, там выбито:

«Когда тюрки кипчаки властвовали над нами 50 лет...»

Религия кипчаков – тенгрианство. Культ Тенгри-хана, то есть Вечного Синего Неба. Еще почитали богиню Умай, воплощение женского начала. Поклонялись животным, в особенности волку, которого считали своим предком-тотемом.

До наших дней сохранились каменные балбалы, в просторечии именуемые бабами – в честь воинов, павших за свою землю. Еще захоронения воинов вместе с конями и предметами материальной культуры. Ну и «Кодекс Куманикус» – кипчакско-латинско-персидский словарь, созданный в период Золотой Орды. Так, что еще... Язык близок к современному крымско-татарскому... Что вы на меня так смотрите?

Надо сказать, Аким Николаевич и вправду смотрел на меня, приоткрыв рот. Наконец он вернул челюсть на место, поставил стакан с бренди на столик и спросил:

– Как тебя звать-то?

Этот простой вопрос вызвал у меня некоторые затруднения.

– Э... Женя. Евгения.

– Ты чего, Евгения, профессор? – поинтересовался Кипчак. В глазах его прыгали веселые чертики.

– Да нет, я же объясняла – я спортсменка, стрелок...

– Ну ты даешь, Женя-Стрелок! – Аким хлопнул себя по коленкам и встал. – Уважаю тех, кто много знает. Особенно про моих предков... Ты это, налей себе выпить, что ли.

Я плеснула бренди в тяжелый стакан и сделала глоток. Ох,

как же давно я не пробовала приличного спиртного! Танькина настойка на тараканах не в счет...

– Вот что, Евгения, – проговорил Кипчак, глядя на меня сверху вниз. – Хочешь работать на меня?

Я встала. Теперь уже я смотрела на Акима Николаевича сверху – в нем было где-то метр семьдесят роста, то есть сантиметров на десять меньше, чем во мне.

– Работать? – переспросила я. Почему-то сегодня, когда меня запихали в джип, мне даже не пришло в голову, что мне просто хотят предложить новую работу...

– Ты дуру-то не строй! – поморщился Аким. – Мне дельные люди нужны. Охранника моего убили. Ты профессионал, стреляешь хорошо, раз чемпионкой была. В отличной форме. Будешь меня охранять. У меня, знаешь, враги кое-какие имеются...

– Вы что, мне доверяете? – удивилась я. – Вы меня впервые видите и доверяете свою жизнь, так, что ли?

Аким усмехнулся:

– Я людей сразу вижу, с первого взгляда понимаю, кто чего стоит. А ты, тем более, про предков моих столько всего знаешь. Глядишь, расскажешь чего интересное...

Я взглянула на Кипчака и удивилась. Аким улыбался – широкой искренней улыбкой, как будто близкому человеку. Вот эта самая улыбка и стала последним аргументом. Я неумело улыбнулась в ответ.

– Хорошо, я согласна, – уже деловым тоном проговорила

я. – Только я ваших раскладов не знаю.

– Ничего, ты быстро во всем разберешься, – хмыкнул Кипчак. – Вон какая умная...

С этого дня началась моя жизнь у Кипчака.

Жизнь у Акима Николаевича была довольно беспокойная. Помимо погрузочно-складского комплекса на вокзале у него было еще несколько объектов в собственности. Каждый день Увеков отправлялся инспектировать свою собственность, не доверяя никому. По-моему, ему просто нравилось видеть материальные воплощения своего богатства и демонстрировать власть. На самом деле проще всего было бы найти толковых управляющих и контролировать уже их. Но в мои обязанности вовсе не входило давать советы, так что я помалкивала.

День в доме Кипчака начинался рано. Утро Аким проводил в тренажерном зале, поддерживая форму. После завтрака ехал по делам и домой возвращался только к вечеру. Тут обычно съезжались гости – такие же прибалдиченные дельцы, как мой хозяин. Здесь мои услуги не требовались: этим людям Кипчак доверял, так что я могла быть свободной. Разъезжались гости далеко за полночь. Иногда это были деловые разговоры, а порой просто попойки. На территории дома была своя охрана, так что моя работа начиналась, когда Аким Николаевич выезжал за порог. Теперь я ездила с ним в одном джипе. Машина была отличная, бронированная. Получалось, Аким не шутил: враги у него точно имелись. За

рулем обычно сидел мужик лет сорока по кличке Сантана. У него были большие оттопыренные уши, блестящие черные волосы и желтое лицо в сеточке морщин. Больше всего он походил на мексиканца из фильма про мафию.

Мне отвели комнату в доме, рядом со спальней хозяина. Это сразу же вызвало недовольство Ксении. «Ксюха», как обычно называл ее Аким, была подругой Кипчака. Я так поняла, что они вместе уже давно, лет десять, не меньше. Однако жениться на ней Аким не собирался. Ксения была полновластной хозяйкой в доме, она надзирала за прислугой, решала, каким будет меню во время пиров, которые Кипчак закатывал своим гостям. Но дальше этого ее полномочия не шли. При первом движении бровей своего повелителя Ксения молча уходила в свои покои, заполненные дизайнерской одеждой, тоннами косметики и одиночеством.

Ксения возненавидела меня сразу – с первого взгляда и на всю жизнь. Причем я не давала ей ни малейшего повода для неприязни. Отношения с Кипчаком у меня были чисто деловые. Но Ксюха вбила себе в голову, что я хочу увести у нее мужика. Не знаю, что навело ее на эту мысль – вероятно, то, что я была единственной женщиной в окружении Увекова. Ну, не считая поварихи тети Кати.

Несколько раз мы приезжали на вокзал – Кипчак инспектировал свои владения. Я узнала, что склады, где я проработала два месяца, были всего лишь небольшой частью погрузочно-разгрузочной империи. Ангары, терминалы – все при-

надлежало Акиму Николаевичу. И останавливаться на достигнутом Кипчак не собирался.

Через неделю после того, как я приступила к службе, Увекков предупредил, что вечером у него встреча с важным человеком. Я несколько напряглась и спросила:

– Это не тот, случайно, что нанял киллера, чтобы пустить вам пулю в лоб?

Аким расхохотался и ответил:

– Знаешь, Женя, вполне возможно, что это его работа. Мы с ним да-авние дружбаны... Люди столько не живут, сколько мы дружим...

– Может, принять какие-то меры предосторожности? – предложила я.

– Это какие же?! – вскинул брови Аким.

– Ну, отправить вперед пару шустрых парней. Пусть прочешут местность до начала встречи. А то вдруг где-то еще затаился какой-нибудь умник с «СВД»... И вообще, Аким Николаевич, я давно хочу вам сказать, что меня одной явно недостаточно для вашей охраны. Если вы согласитесь выделить мне еще хотя бы двоих... Я быстро их обучу, и у вас будет вполне эффективная служба охраны.

– Ну ты даешь, Евгения! – восхищенно присвистнул Увекков. – Тебе бы военные операции проводить. Стратег, блин, и тактик в одном флаконе!

– Вы напрасно смеетесь, – мирно сказала я. – Следующее покушение вполне может оказаться удачным. Против снай-

пера вообще очень трудно играть.

– Ну, Кабан же справлялся с моей охраной! – пожал плечами Кипчак.

– Вот потому и лежит сейчас на кладбище, – мрачно усмехнулась я. – А между тем всего двое толковых ребят...

– Утихни! – скомандовал Аким. – Хватит. Я все понял. Какой-то резон в твоих словах есть. Но я не могу допустить, чтобы в городе говорили, мол, Кипчак себе завел охрану, как у Обама, видать, всего боится. Поняла?

– Поняла, – кивнула я. Это тот самый случай, который называется «понты дороже жизни»...

– И насчет сегодняшнего мероприятия не мандражируй слишком сильно, – посоветовал мне Увеков. – Третьяк человек серьезный. Какие бы у нас с ним ни возникали конфликты интересов, валить на стрелке он меня точно не будет.

– А у вас что, стрелка?! – тут я напряглась вторично.

– Да нет! – хмыкнул Увеков. – Это все в прошлом. Просто встреча в ресторане. Посидим, пообщаемся. Он мне совместный бизнес предложить хочет. Не пойму только, за каким хреном... Ну, не бери в голову. Твоя задача – меня охранять. Так что смотри в оба.

Тут Аким уставился на меня так, будто видел в первый раз. Я даже занервничала под его пристальным взглядом.

– Что? – Я оглядела себя. На мне была та самая одежда, в которой я приехала в этот дом – джинсы, черная кофта с капюшоном и удобные ботинки на тяжелой подошве. Волосы

у меня отросли настолько, что прическа представляла собой торчащий «ёжик». Выезжая с Кипчаком на объекты, я надевала поверх кофты легкий бронежилет, который мне выделили. Надевала специально, напоказ – вот, мол, я не просто баба, что всюду таскается за хозяином, я – охрана. Еще я обзавелась черной стильной бейсболкой и темными очками – очень удобная вещь, никто не может сказать, куда ты на самом деле смотришь...

– Слушай, ты это... купи себе чего-нибудь. Не в бронеке же тебе в ресторан идти, – Кипчак почему-то смутился, вынул из кармана бумажник из страусовой кожи, отсчитал тонкую пачечку купюр и протянул мне, – держи, это тебе аванс.

– Ладно, все поняла. – Я встала. – До вечера я могу быть свободной?

– Да, езжай куда хочешь. Вон, джип возьми. Я никуда не собираюсь. Подумать надо...

И Аким придвинул к себе бутылку. Пил Кипчак мало, но я уже заметила, что крепкий алкоголь в небольших дозах помогал ему сосредоточиться. Перед важными делами Аким выпивал буквально несколько глотков коньяка или виски.

Идея про джип мне чрезвычайно понравилась. Прав у меня, конечно, не было, впрочем, как и остальных документов. Но водить я умею, это точно. Ладно, машину Кипчака с госномерами, состоящими из одних единиц, в городе знает каждый дэпээсник. Думаю, никто в здравом уме не станет останавливать машину Увекова.

Я спустилась во двор и села за руль. На минуту прикрыла глаза... Мое тело само знало, что нужно делать. Рука привычно повернула ключ, ноги встали на педали. Отлично! Двигатель заурчал, я мягко нажала на газ и выехала со двора.

Я уже перестала удивляться некоторым странностям, связанным с избирательным характером моей амнезии. Где я родилась, не имею понятия, а кто такие кипчаки, прекрасно помню. Знаю, как стрелять из снайперки, а где я жила раньше, вспомнить не могу. Ну и так далее.

Я вела джип, наслаждаясь ровным ходом послушной машины. Кипчак поверил в мою историю о бывшей спортсменке, и это было хорошо. Начни Увеков проверять мой рассказ, и мне пришлось бы исчезнуть. Мне совсем не хотелось, чтобы такой человек, как Кипчак, копался в моем прошлом. Еще раскопает что-нибудь важное или, не дай бог, секретное... Почему-то я не сомневалась – мое прошлое таит немало интересного. И правда обо мне может быть опасна.

Кто-то приложил немало усилий для того, чтобы лишить меня моего места в жизни. Ведь не всегда же я ночевала на свалках... Судя по тому, какие во мне таятся скрытые таланты, я ни за что не сдалась бы без борьбы. Раз мой враг меня все-таки переиграл, значит, он человек опасный. Стоит ему узнать, что Охотникова жива, он не успокоится, пока не доведет начатое до конца. А я еще так молода... В общем, прежде чем занять свое прежнее место в жизни, я должна выяснить, кто меня этого места лишил.

Так что работа на Кипчака представлялась мне отличным выходом из положения. Во-первых, с ним я в безопасности. Кипчак всегда окружен своими людьми. Теперь мы с ними одна команда, и, захоти кто-нибудь по-тихому пристукнуть Евгению Охотникову, ему будет не так-то просто это сделать. Во-вторых, среди знакомых Акима Увекова много интересных людей – богатых, влиятельных и связанных с миром криминала. Думаю, рано или поздно я соберу нужную информацию и выйду на того, кто так обошелся со мной...

А пока я отправилась в центр города. Именно там на тихой улочке располагался бутик «Нина Саккариас». Думаю, в прошлом это была моя любимая марка одежды. Женская интуиция подсказывает... Дорого, конечно. Но ведь Увеков вручил мне аванс, и я могу распорядиться им так, как захочу...

Я вернулась в дом Кипчака только к шести вечера. С джипом я совершенно освоилась и до особняка долетела за полчаса. Выпрыгнула из машины и выгрузила свои пакеты. В окне второго этажа мелькнула Ксения – женщина таращилась на меня. Я вошла в дом, повесила ключи на щиток и начала подниматься по лестнице. Моя комната располагалась наверху. Навстречу мне спускалась Ксения. Хозяйка смерила меня недовольным взглядом и поджала губы. Но поскольку я не являлась прислугой и ей не подчинялась, вся эта пантомима ничуть меня не трогала. Бесится баба, ну что с того? Я здесь совершенно ни при чем.

– Добрый вечер, Ксения Владимировна! – вежливо произнесла я и посторонилась, чтобы не задеть хозяйку своими пакетами. При виде логотипа «Саккариас» глаза Ксюши распахнулись, а рот замер, как будто женщина сказала «о», да так и застыла.

Ровно в семь, как договаривались, я вошла в кабинет Увекова. Хозяин был уже упакован в темный костюм и белоснежную рубашку, на запястье беспалой руки блестели часы. Ну конечно, «Вашерон Константин». Аким взбадривал себя мини-порцией спиртного перед важной поездкой. Когда я вошла, Кипчак поднял голову, да так и застыл.

– Это что?! – наконец спросил он.

– Ну, вы же просили, чтобы я выглядела прилично. Что-то не так?

На самом деле я знала, что все в полном порядке. Просто все вокруг так привыкли видеть во мне бесполое существо в отличной физической форме, что я и сама забыла, каково это – чувствовать себя женщиной.

Я похвалила себя за то, что не стала выпендриваться и покупать платье, хотя в бутике были модели очень даже ничего. Но мне была нужна одежда для работы, поэтому я купила брючный костюм угольно-черного цвета, который придавал моей и без того неплохой фигуре аэродинамические черты фюзеляжа боевого самолета. Белоснежная рубашка у ворота была сколота булавкой в виде иероглифа «сила». Свои короткие темные волосы я выкрасила в платиновую белизну.

Стильная стрижка придала им вид, который французы называют словом «пикантный». Туфли и сумочка пробили брешь в моем бюджете, но зато отлично дополняли наряд. Я больше не была похожа на Сару Коннор из фильма про Терминатора. Мой новый имидж можно было назвать сногшибательным с полным на то правом.

Аким потряс головой и сказал:

– И как это у вас, женщин, получается, не пойму... Ладно, поехали.

Во дворе у джипа нас поджидала Ксения. Женщина была в легкой шубке из щипаной норки, блестящем платье цвета весенней листвы и золотых босоножках.

– Ты что здесь делаешь? – не очень любезно бросил подруге Аким. – Я тебя с собой не звал, кажется.

– Ну, я подумала, что тебе будет одиноко в ресторане, – кокетливо похлопала ресницами Ксюха. – К тому же Третьяк хорошо меня знает. Я не буду вам мешать. Возьми меня с собой, а?

Кипчак, который уже взялся было за ручку дверцы джипа, резко развернулся к подруге:

– Откуда ты знаешь, что я встречаюсь с Третьяком?

Краска сбежала со щек Ксении. Она облизнула губы, как делают женщины, когда собираются солгать, и пробормотала:

– Да не знаю... Слышала, наверное, как ты об этом говорил.

– Я при тебе ничего подобного не говорил, – медленно произнес Кипчак. – И с собой тебя не приглашаю. Знай свое место.

Ксюха прожгла меня взором, полным ненависти. Я ответила ей равнодушным взглядом.

– А теперь вернись в дом, – ровным голосом закончил Кипчак. – Я сегодня буду поздно.

В машине я все посматривала назад, туда, где стояла Ксения, нелепая в своей шубке и босоножках. Мне показалось, что я заметила в глазах женщины слезы.

– Ты насчет Ксюхи-то особенно не переживай, – посоветовал Кипчак, заметив мой взгляд. – Она вполне может за себя постоять.

– Зачем вы ее обижаете? – спросила я, глядя на фигурку Ксении, постепенно исчезающую в створе закрывающихся ворот.

– Больно много воли взяла, – хмыкнул Аким. – Думает, раз я ее в дом взял, так она мне может советы давать. В дела мои начала мешаться...

– Понятно. – Я отвернулась и решила больше не вести разговоров на скользкую тему. В конце концов, отношения хозяина с его женщиной – его глубоко лично дело, и, пока это не затрагивает безопасности Увекова, мне не стоит совать свой нос куда не просят.

Ресторан, куда Кипчак приехал на встречу с каким-то Третьяком, располагался в центре города. Это был подваль-

чик под названием «Фергана», залитый теплым оранжевым светом. На полу лежали настоящие ковры, на небольшом возвышении стояли низкие столики в окружении диванов и подушек. Столы располагались в отдельных кабинетах. Черное матовое стекло перегородок было толстым, глушило звук, и я даже задумалась о том, не бронированное ли оно. Ну, это вряд ли – слишком дорогое удовольствие.

В целом интерьер получился удивительно стильный и неповторимый – такое сочетание Средней Азии и японского минимализма. Нас встретил сам хозяин – нестарый еще человек в желтом халате поверх черных брюк, в белоснежной рубашке с галстуком бабочкой. Хозяин расплылся в угодливой улыбке.

– Ай, какие гости! – всплеснул он руками, и черные глаза на бледном лице блеснули в хитрой усмешке. – Какие дорогие гости пожаловали!

Видимо, восточный колорит с привкусом рахат-лукума был частью привычного сценария по приему гостей.

– Здорово, Узбек! – поприветствовал хозяина Аким. Я слегка удивилась. Узбеком хозяин ресторана явно не был. Я, конечно, не специалист, но, на мой взгляд, мужчина принадлежал к какому-нибудь малочисленному экзотическому народу, например ассирийцам. Прямой нос, европейский разрез глаз, черная борода... Нет, кто угодно, только не узбек. Но здесь, похоже, было не принято заморачиваться подобными мелочами. Кличка устраивала всех – и гостей, и хозяина.

Узбек бросил на меня пытливый взгляд, видимо, пытался понять, к какому разряду гостей меня можно отнести.

– Третьяк уже здесь? – спросил Аким, оглядывая помещение. Из-за перегородок было не видно, кто сидит в отдельных кабинетах.

– Здесь, Аким Николаевич. Здесь! Давно приехал, давно ждет вас! – по губам хозяина скользнула змеиная улыбка. Видимо, Узбек был не так прост, как хотел казаться, и умел сделать гостю приятное. Аким самодовольно усмехнулся и прошел к самой дальней кабинке. Я последовала за ним. Надеюсь, в этом уютном заведении моему клиенту не угрожает опасность. А то за этими раздвижными стенами из непрозрачного стекла можно спрятать целый взвод с автоматами...

– Здорово, Третьяк! – сказал Увеков, входя в устланный коврами отдельный кабинет. Узбек задвинул за нами черную панель, и мы остались одни. Ну, не совсем одни – позади сидевшего за столом Третьяка помещалась его охрана – трое коротко стриженных парней со складчатыми затылками. При виде меня Третьяк вздернул мохнатые брови:

– Мое почтение! У нас чего, ужин с дамами?!

– Это не дама, – дернул ртом Кипчак. – Это мой телохранитель. Зовут Стрелок.

Третьяк явно хотел отпустить шуточку на тему, как именно я охраняю тело Акима Николаевича, но вовремя удержался. Несмотря на грубое лицо, мужицкие руки и общее впечатление, что передо мной сидит наряженный в ко-

стюм-тройку медведь, дураком он явно не был.

– Ну, садись, поговорим. – Третьяк подвинулся, давая Акиму место на диване. Увеков проигнорировал приглашение и демонстративно уселся напротив. Я присела рядом.

– Слышь, Кипчак! – неожиданно сказал авторитет. – Дело у меня важное, лишних ушей не терпит... Давай мы перетрем, а охрана пока погуляет. Если ты не возражаешь, конечно.

Аким не возражал. Он подозвал Узбека и попросил пересадить меня и охрану Третьяка так, чтобы мы были неподалеку. Хозяин рассыпался в уверениях, что все сделает в лучшем виде. И действительно, он пересадил нас в соседний кабинет, где был накрыт почти такой же стол. Охрана Третьяка принялась угощаться чем бог послал, а я подозвала хозяина. Узбек подошел и наклонился ко мне:

– Чего барышня изволит?

– Барышня изволит, чтобы вы обеспечили обзор. Пусть разговор не предназначен для чужих ушей, но я все равно хотела бы видеть Акима Николаевича. На то мы и охрана. Думаю, ребята меня поддержат.

Парни на минуту оторвались от тарелок и покивали с умным видом. Охранники бывают разные. Думаю, этих Третьяк взял на встречу именно из-за исключительно низкого интеллекта. Даже если бы эти парни и получили доступ к какой-то секретной информации, они бы нипочем не догадались, что она секретная. Кажется, они и собственные пупки с трудом

находили при мытье в душе... Я вообще не очень поняла, зачем Кипчак притащил меня сюда. Разве только продемонстрировать Третьяку, что он подстраховался...

Узбек деловито кивнул и исполнил мою просьбу в лучшем виде. Он покрутил колесико, и тонировка на стеклянной стене, отделявшей нас от кабинки, где сидели хозяева, посветлела. Теперь это было просто затемненное стекло, а вовсе не глухая преграда.

– Спасибо! – поблагодарила я и пригубила томатный сок. Пусть я не слышу, о чем говорят Увеков и Третьяк, позы, жесты и выражения лиц тоже могут многое рассказать.

Попивая сок, я внимательно следила через стекло за разговором хозяев. Третьяк явно чего-то добивался от Увекова. Авторитет подался корпусом вперед. При разговоре он рубил воздух ладонью, аргументируя свои слова, и брови мужчины были сдвинуты, а лоб собран в складки. Предельное напряжение – вот что читалось во всей фигуре Третьяка. Увеков же явно колебался. Он подался назад, откинулся на спинку дивана. Даже руки скрестил на груди, «закрываясь» от собеседника. На уставленный закусками стол оба мужчины почти не обращали внимания. Они явились в ресторан не ради еды, а для того, чтобы поговорить в спокойной обстановке. Третьяк все напирал. Он грудью навалился на стол, и жесты его больших рук становились все более отрывистыми и угрожающими. При этом с лица не сходила вежливая улыбка. Язык тела – это вам не хухры-мухры... к примеру, сей-

час я явно видела, что господин Третьяк лжет моему хозяину. Характерные жесты – подергивание пальцами мочки уха, «плавающий» взгляд, широкая, в тридцать два зуба, улыбка при том, что глаза оставались серьезными и злыми... Пусть я не слышала того, о чем говорят мужчины, мне и так все было ясно. Очевидно, в прошлой жизни я умела распознавать ложь и имела представление о психологии невербального общения.

Вдруг Кипчак вскинул голову и посмотрел на меня через стекло. Взгляд его был вопросительным, как будто Аким спрашивал моего совета. Я едва заметно отрицательно качнула головой. Увеков склонил голову набок, точно переспрашивая. Я повторила отрицательный жест. Парни рядом со мной продолжали жрать. Они ничего не замечали. А Третьяк на меня и подавно не смотрел – сейчас он о чем-то беседовал с вошедшим Узбеком, которого перед тем жестом подозревал Аким.

Вот хозяин ресторана вышел, и Третьяк впился взглядом в лицо моего хозяина. Кипчак уверенно покачал головой – отрицательно. Третьяк, не веря себе, переспросил, и Кипчак повторил жест. Третьяк постарался не выдать гнева, но я видела, как заиграли желваки на его щеках и как он смял салфетку в громадном кулаке.

Сразу после этого Аким поднялся. Третьяк больше не пытался его удерживать. Я тоже встала и присоединилась к хозяину. Мы молчали до тех пор, пока наш джип не отъехал

от ресторана.

– Ну, и что все это значит, а? – с некоторым раздражением спросил меня Аким, поворачиваясь ко мне всем телом.

– Это значит, что вы попросили совета, а я его дала. Как поступить, решаете, разумеется, вы сами, – отчеканила я. Мой ледяной тон несколько охладил гнев Увекова. Он задумчиво посмотрел на меня и сказал:

– А теперь колись, как ты это делаешь.

– Что?

– Ну... читаешь человека, как будто букварь.

Я пожала плечами:

– Не знаю. Просто женская интуиция. Но этот человек вам лгал, это совершенно точно.

Аким потер переносицу и проговорил:

– Ну, если ты права, я только что избежал охеренных неприятностей. А вот если ошиблась, то по твоей милости я потеряю лимонов десять. Баксами.

– Аким Николаевич, решения вы принимаете самостоятельно, – повторила я. Нечего мне тут перекладывать с больной головы на здоровую! Точнее, на страдающую амнезией...

– Нет, слушай, все-таки скажи, как ты это делаешь. А? – не отставал Увеков.

– Существует язык тела, – скучным голосом начала я. – Его можно читать точно так же, как выражения лиц. Ну, вы же знаете, что скрещенные на груди руки означают, что че-

ловек не полностью вам доверяет? Или что, если женщина во время разговора с мужчиной поправляет прическу, это означает, что он ей нравится? Ну и все в таком духе. Любой психолог-второкурсник вам это объяснит.

Аким задумался.

– А ты можешь меня этому научить? – вдруг спросил Увеков.

– Вряд ли, – покачала головой я. – Теорией я не владею, а практика... скорее всего, это просто жизненный опыт, вот и все. Ничего особенного.

– Ладно! – подвел черту Аким. – Тогда будешь на все переговоры ездить со мной.

Я заметила, что уши Сантаны шевелятся, как локаторы. Ну, сегодня в особняке Увекова будет новая тема для разговора...

И только одно не давало мне покоя. Взгляд, которым проводил меня Третьяк. Когда мы с Кипчаком выходили из ресторана, авторитет задержал на мне тяжелый неприязненный взгляд. Мне было абсолютно наплевать на эмоции этого господина. Но внезапно выражение глаз Третьяка изменилось. Узнавание и страх – вот что на мгновение вынырнуло из темной глубины его зрачков.

Кажется, господин Третьяк наконец-то узнал меня.

Глава 3

Прошло совсем немного времени после встречи Кипчака с господином Третьяком, и я поняла – настало время поскорее вернуть себе память. Нет, интуиция меня не подвела – авторитет действительно узнал меня. Сначала его обманула короткая стрижка и белоснежный цвет моих волос, но ненадолго. Значит, мы с этим человеком были знакомы в «прошлой жизни». И вполне возможно, что господин Третьяк имеет отношение к тому, что со мной случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.